

*Городу, в котором
я оставила свое сердце.*

*Умереть — это ведь тоже
большое и интересное приключение.*
Джеймс Барри, «Питер Пэн»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОККУЛЬТУРОЛОГИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Считается, что призраки являются только по Сночам или на Хэллоуин, когда кругом темно, а границы между мирами истончаются. Но на самом деле призраки повсюду. В хлебном отделе вашего супермаркета, в бабушкином саду, на переднем сиденье автобуса, в котором вы едете.

То, что вы их не видите, совсем не значит, что их там нет.

Я сижу на уроке истории и вдруг чувствую *тук-тук-тук* по плечу — словно капли дождя. Одни называют это интуицией, другие ясновидением. Такое странное щекочущее чувство на границе ощущений, подсказывающее, что за этой границей есть *что-то еще*.

Меня оно посещает уже не в первый раз — за сравнительно короткое время. Иногда накатывает даже тут, в школе. Я пробовала не обращать на это внимания — каждый раз пробую — не помогает. Оно будто уворачивается, потом нападает снова, и я уже знаю, что единственный способ справиться — это подчиниться. Пойти и проверить, что там.

Сидя в другом конце класса, Джейкоб ловит мой взгляд и качает головой. Он не чувствует *тук-тук-тук*, но достаточно хорошо меня знает, чтобы понять, когда я это слышу.

Я ерзаю на стуле, заставляя себя сосредоточиться на том, что происходит в классе. Мистер Мейер отважно пытается вести урок, не обращая внимания на то, что идет последняя неделя занятий и до летних каникул осталось всего ничего.

— ...к концу войны во Вьетнаме в 1975 году американские войска... — бубнит учитель. Его никто не слушает. Да что там, его вообще не замечают. Дерек и Уилл спят с открытыми глазами, Мэтт мастерит из бумаги очередной футбольный мяч. Элис и Мелани составляют какой-то список.

Элис и Мелани — *популярные девочки*.

Это можно сразу понять по тому, что выглядят они, как клоны — одинаковые блестящие локоны, одинаковые безупречные зубы, одинаково покрашенные ногти, — а вот я тощая и нескладная, с круглыми щеками и курчавыми темными волосами. У меня даже нет лака для ногтей.

Считается, что все *спят и видят*, как бы стать популярным. Но, признаюсь, сама я никогда этого не хотела. По-моему, это ужасно утомительно — пытаться следовать бесчисленным правилам. Их и запомнить-то невозможно. Улыбаться, но не слишком широко. Смеяться, но не очень громко. Носить правильную одежду, заниматься правильным спортом, проявлять заботу о том и о сем, но не чересчур.

(У нас с Джейкобом тоже есть правила, но они же совсем другие.)

Вдруг Джейкоб встает и подходит к парте Мелани. Вот *он*, я думаю, мог бы стать популярным, с его-то волнистыми светлыми волосами, ярко-голубыми глазами и добродушным характером.

Бросив на меня озорной взгляд, он подсаживается к ней на край парты.

Да, *мог бы* стать, если б не одна проблема.

Джейкоб мертв.

— «Что нам нужно для киновечеринки...», — громко читает он, заглядывая в записку Мелани. Но слышу Джейкоба только я одна. Мелани складывает другой листок — приглашение на вечеринку, понимаю я, потому что печатные буквы ярко-розового цвета — и тянется, чтобы передать его Дженне, сидящей перед ней. И ее рука проходит прямо сквозь грудь Джейкоба.

Он делает вид, что страшно оскорблен, и вскакивает с парты.

Тук-тук-тук, тихонько стучит у меня в голове, будто кто-то шепчет, но я не могу разобрать слов. Я нетерпеливо поглядываю на часы над дверью. Когда же, наконец, звонок?

Джейкоб подруливает к Элис, у которой на парте разложено множество разноцветных ручек. Нагнувшись над ними, он протягивает к одной из ручек палец, целиком сосредоточившись на том, чтобы толкнуть ее.

Но ручка лежит, не шелохнется.

В кино духи-полтергейсты швыряют телевизоры и двигают по полу кровати. Но на самом деле призраку приходится тратить *уйму* энергии, чтобы пройти сквозь Вуаль — завесу между их миром и нашим. А те призраки, которым хватает на это сил, обычно очень старые и довольно угрюмые. Живые могут черпать силы в любви и надежде, а мертвецы крепчают от более мрачных вещей. От боли, гнева и тоски.

Теперь Джейкоб, хмурясь, пытается — снова безуспешно — сдвинуть с места бумажный мячик Мэтью.

Как хорошо, что он не мрачный.

Вообще-то, я даже не знаю, давно ли Джейкоб *мертв* (об этом я стараюсь думать приглушенно, так как знаю: ему это не понравится). Наверное, все произошло не так уж давно, потому что выглядит он вполне современно — в футболке с супергероем, темных джинсах и высоких кроссовках. Но он никогда не рассказывает, что с ним случилось, а я не спрашиваю. У друзей есть право на секреты друг от друга — это так, даже несмотря на то, что Джейкоб может читать мои мысли. Я вот не могу узнать, о чем думает он. Но не жалею: если все взвесить, лучше быть живым, хоть и не телепатом, чем телепатом, но призраком.

При слове *призрак* он вскидывает голову и многозначительно покашливает.

— Предпочитаю формулировку «человек с ограниченными телесными возможностями».

Я возмущенно округляю глаза — Джейкоб отлично знает, я не люблю, когда он без разрешения роется в моих мыслях. Да, наши отношения необычны — но, слушайте, должны же быть какие-то рамки!

— Я не виноват, что ты так громко думаешь, — оправдывается Джейкоб, усмехаясь.

Я фыркаю, и несколько одноклассников косятся в мою сторону. Втянув голову в плечи, стараюсь слиться с партией, при этом ногами задеваю лежащий на полу рюкзак с учебниками. Приглашение, которое Мелани передала Дженне, перемещается по классу. У моей парты оно не задерживается. Меня это не огорчает.

Уже почти наступило лето, а это значит — свежий воздух, много солнца и читать книжки не по списку, а просто для удовольствия. Это значит, что наше семейство, как всегда, отправится в съемный дом на пляже в Лонг-Айленде, где мама и папа будут работать над новой книгой.

Но — самое главное! — это значит: никаких привидений.

Сама не знаю, что не так с этим домом на пляже — может, дело в том, что он совсем новый, или в том, что стоит на отлете, один на берегу, но там и вправду намного меньше призраков, чем здесь, в Нью-Йорке. А значит, когда окончатся занятия, меня ждут целых шесть недель солнца, песка и спокойного сна по ночам.

Шесть недель без бесконечного *тук-тук-тук* от неугомонных духов.

Шесть недель, когда я буду чувствовать себя почти *нормальной*.

Жду не дождусь, скорей бы уже.

Жду не дождусь... и все же, когда звенит звонок, я вскакиваю, вешаю рюкзак на одно плечо, а фиолетовый ремень фотоаппарата на другое и позволяю ногам нести меня вперед, навстречу настойчивому *тук-тук-тук*.

— Безумная идея, — заявляет Джейкоб, проявляясь на лестнице рядом со мной. — Но есть еще время передумать, мы еще можем просто пойти пообедать.

Сегодня четверг. *День мясного рулета*, думаю я, следя за собой, чтобы не говорить вслух. *Уж лучше встретиться с призраком*.

— Эй, полегче, — говорит он. Но мы оба знаем, что Джейкоб не обычный призрак, как и я — не обычная девочка. С некоторых пор. Это был несчастный случай. Велосипед. Река подо льдом. Не вдаваясь в детали, Джейкоб спас мне жизнь.

— Ага, я почти супергерой, — гордо говорит Джейкоб, и тут дверца шкафчика резко открывается, прямо ему в лицо. Я морщусь, но он проходит прямо сквозь стену. Я не то чтобы *забыла*, кто такой Джейкоб — как можно забыть, что твой лучший друг невидим для всех остальных. Но это просто удивительно, насколько быстро к такому привыкаешь.

Да и вообще, то, что Джейкоб рядом со мной уже почти год — это еще не самая странная часть моей жизни. Согласитесь, тут есть о чем задуматься.

Мы выскакиваем в вестибюль. Налево — коридор, ведущий к школьному буфету. Направо — лестница.

— Последний шанс сделать нормальный выбор, — предостерегает Джейкоб, но на лице у него появляется хитрая, кривая улыбочка. Мы оба знаем: нормальное для нас уже давным-давно осталось позади.

Мы идем направо.

Спускаемся по лестнице, попадаем в другой вестибюль, пробираемся сквозь толпу (все спешат на обед), и с каждым поворотом все сильнее, все громче звучит *тук-тук-тук*, тащит нас к себе, будто на веревке. Мне даже не приходится задумываться, куда идти. Вообще-то, проще, когда я *перестаю* думать и просто разрешаю звуку вести себя.

Он приводит меня к дверям актового зала. Джейкоб, сунув руки в карманы, бормочет что-то насчет плохих идей. На это я напоминаю, что ему идти туда не обязательно — хотя на самом деле очень рада, что он со мной.

— Девятое правило дружбы, — отвечает он, — наблюдение за призраками — забава для двоих.

— Вообще-то да, — киваю я, снимая крышку с объектива фотоаппарата. Он старый и неуклюжий, этот аппарат, висящий у меня на плече на широком фиолетовом ремне, — неавтоматический, с неисправным видеоискателем и черно-белой пленкой.

Если кто-то из учителей застучает меня в актовом зале, скажу, что делаю снимки для школь-

ной газеты. Хотя учебный год кончается, и школьные кружки уже закрылись на лето...

И я никогда не работала в школьной газете.

Толкнув дверь, я вхожу в зал — просторный, с высоким потолком и тяжелым алым занавесом, скрывающим сцену от глаз.

Вдруг я понимаю, что *тук-тук-тук* зовет меня именно туда. У каждой школы есть свои предания. Некое объяснение, что за странный скрип раздастся в туалете для мальчиков, почему на задних партах в кабинете английского всегда холодно, а в актовом зале пахнет дымом.

Моя школа не исключение. Единственное отличие в том, что, слыша рассказы о привидениях, я могу проверить, правдивы ли они. Чаще всего это оказывается выдумкой.

Таинственный скрип — всего лишь дверь с несмазанными петлями.

Зловещий холодок — просто сквозняк.

Но сейчас, следуя за тихим *тук-тук-тук* по проходу между рядами, а потом на сцену, я понимаю, что с этой легендой дело обстоит иначе.

В ней говорится о мальчике, который погиб во время театрального представления.

Давным-давно, когда школа только открылась, во время второго акта «Сна в летнюю ночь» начался пожар. Пламя охватило декорации, но все успели спастись — вернее, думали, что все.

Пока не подняли крышку люка и не нашли того мальчика.

Джейкоб — он идет рядом со мной — вздрагивает, а я закатываю глаза. Для привидения он слишком пуглив.

— Тебе никогда не казалось, — говорит он, — что это ты недостаточно пуглива?

Но меня так же легко испугать, как любого другого. Хотите верьте, хотите нет, я вовсе не *стремлюсь* проводить время в поисках призраков. Просто, когда они *рядом*, я не могу не обращать на них внимания. Как будто ты знаешь, что кто-то стоит у тебя за спиной — попробуй тут не обернуться. Кто-то дышит тебе в затылок, и ты это чувствуешь, и, чем дольше не оглядываешься, тем хуже, ведь понятно же — то, чего не видишь, всегда намного страшнее того, что видишь.

Я залезаю на сцену, Джейкоб не отстает. Я чувствую, что ему не по себе. Его колебания так и тянут меня назад, но я приподнимаю край тяжелого красного занавеса и пробираюсь под ним. Джейкоб за мной — только он проходит прямо сквозь занавес.

Здесь темно — настолько, что глаза не сразу различают бутафорские предметы и скамейки, в беспорядке расставленные по сцене. Из-под занавеса пробивается узкая полоска света. Здесь тихо, но есть какое-то жутковатое ощущение движения. Я слышу еле слышный слабый стон — это покачиваются на крюках отвесы из мешков с песком. Шепот воздуха под половицами. Шелест — надеюсь, это шуршит бумага, а не крысы.

Я слышала, как ребята постарше подзадоривали друг друга: слабó тебе зайти туда? Прижать ухо

к полу и прислушаться — не зовет ли на помощь тот мальчик, не сумевший выбраться. А один раз в коридоре я подслушала, как старшеклассники хвастались тем, кто сколько здесь продержался. Минуту. Две. Пять. Кто-то утверждал, что слышал голос мальчика. Другие будто бы чувствовали запах дыма и слышали топот убегающих детей. Но разве поймешь, где кончаются выдумки и начинается правда.

Меня никто не подбивал сюда прийти. Да и кому придет в голову пугать чем-то таким человека, у которого родители пишут книги о паранормальных явлениях.

Ну да, это и правда было бы странно.

Пробравшись в темноте почти на середину сцены, я обо что-то спотыкаюсь и лечу вперед. Джейкоб взмахивает руками, пытаюсь меня удержать, но его пальцы проходят насквозь, а я падаю на четвереньки, стукнувшись коленкой о деревянный пол. Странно, но половицы под ладонями немного пружинят — я не сразу догадываюсь, что рухнула прямо на крышку люка.

Тук-тук-тук звучит все настойчивее, отдаваясь в ободранных руках. Краем глаза я замечаю движение: тонкая серая завеса колыхнется, как от ветра. Она совсем не похожа на тяжелый сценический занавес. Эту завесу не видит никто, кроме меня.

Вуаль.

Граница между этим миром и чем-то иным, между жизнью и смертью. Ее-то я и искала.

Джейкоб переминается с ноги на ногу.

— Давай покончим с этим поскорее.

Я поднимаюсь.

— Дай призрачные «пять», — отвечаю я. То же самое, что дать «пять», но для друзей, которые не могут коснуться друг друга. Выглядит это примерно так: я поднимаю руку, а Джейкоб делает вид, что хлопает по моей ладони своей, и при этом мы оба изображаем тихий звук шлепка.

— Ой! — Джейкоб отдергивает руку. — Ты зачем так сильно бьешь?

Меня это смешит. Иногда он такой прикольный. Но вот я касаюсь Вуали, и смех смолкает, стремительно уступая место страху и тревоге.

Как-то по телевизору я видела «охотников за привидениями», они рассказывали о переходе, о встрече с другой стороной. По их рассказам это было, все равно что щелкнуть выключателем или распахнуть дверь. Но для меня все по-другому: нащупать край завесы, уцепиться за ткань и потянуть.

Иногда, если по ту сторону никого нет, Вуаль очень тонка, скорее похожа на дымок, чем на ткань, и тогда ее трудно схватить и удержать. Но уж если место облюбовали привидения — если они там *действительно* есть, — ткань вьется вокруг и чуть ли не сама втягивает меня внутрь.

Сейчас она вьется у меня между пальцами, ждет, чтобы ее поймали.

Я хватаюсь за Вуаль, набираю в легкие побольше воздуха и тяну.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда я была маленькой, то боялась чудища в шкафу. Часто я не могла уснуть, и тогда приходил папа, открывал дверь шкафа и показывал мне, что там никого нет. Пройти Вуаль — это примерно как распахнуть закрытую дверь.

С той разницей, конечно, что чудищ на самом деле не существует, и шкаф всегда оказывался пустым.

С Вуалью... все не так.

По коже пробегает холодок. На секунду я оказываюсь не на сцене, а под водой, над головой ледяное течение, свет исчезает, а что-то тяжелое тянет меня вниз, вниз, вниз...

— Кэссиди.

Услышав голос Джейкоба, я моргаю, и воспоминание о реке уходит. Я опять на сцене, и тут все, как раньше, но другое. Сцена потускнела, точно старая выцветшая фотография, зато теперь здесь не так темно. Наоборот, сцена освещена, на нее направлены софиты, а из-за занавеса слышен приглушенный шум голосов.

Джейкоб по-прежнему рядом со мной, но сейчас он кажется более осязаемым, реальным. Опустив глаза, я осматриваю себя. Выгляжу обычно, как всегда, разве что бледнее — но это все равно я, с камерой на плече. Единственное серьезное отличие — свет у меня в грудной клетке. Прямо сквозь ребра пробивается яркое, голубовато-белое свечение, скрученное в спираль, как в электрической лампочке.

— Как у Железного человека*, — шутит иногда Джейкоб.

Я прижимаю фотоаппарат к груди, чтобы приглушить сияние.

— По местам! — раздается из кулисы голос взрослого, и от неожиданности я вздрагиваю. Джейкоб прихватывает меня за рукав, и на этот раз его рука не проходит насквозь. Здесь то ли он более плотный, то ли я — менее, но в любом случае я благодарна ему за поддержку.

— Второй акт! — добавляет голос.

И тогда я понимаю, что это.

Когда это.

День того пожара.

На сцене суетятся, занимая свои места, взволнованные мальчики и девочки, в коронах фей и блестящих плащах. Меня и Джейкоба они не замечают. Поднимается занавес, и слышно, как в темном зрительном зале переговариваются зри-

* Джейкоб имеет в виду комиксы и мультсериал «Железный человек: Приключения в броне».

тели. Мне приходится напомнить себе, что на самом деле в зале никого нет. Это место, пространство, время — все здесь принадлежит призракам. И их воспоминаниям.

Прочее — только декорации.

Я поднимаю камеру, не поднося видеоискатель к глазам (он все равно сломан). Быстро щелкаю несколько раз, хотя и знаю: в лучшем случае на снимке удастся разглядеть бледную тень того, что здесь происходит. Чуть больше того, что видят все. Но меньше того, что вижу я.

— Подумать только, — с тоской шепчет Джейкоб, — мы могли бы сейчас сидеть в школьной столовой, обедать, как все нормальные люди.

— Нормальные? Ты не можешь есть, а я вижу призраков, — шепчу я в ответ. Между тем, начинается второй акт. Феи собираются вокруг королевы в нарисованном лесу.

Я оглядываю сцену, конструкции над головой, декорации, пытаюсь обнаружить источник огня. Возможно, меня потому и тянет в такие места. Ведь не случайно же здесь собираются привидения. Может быть, если кто-то узнает правду — если я узнаю правду — о том, что случилось, это принесет им покой. И они смогут уйти.

— Ерунда, все вообще не так, — шепчет Джейкоб.

Я резко оборачиваюсь на него.

— Что ты имеешь в виду?

Он открывает рот, чтобы ответить, но тут появляется мальчик. Невысокий, с бледной кожей

и копной черных кудрей. Я сразу понимаю, что это именно он, призрак — такое безошибочное чувство, как будто земля кренился к нему, и я вот-вот поеду в его сторону.

Я вижу, как его плащ задевает за канаты и запутывается в них. Мальчику удастся высвободиться, он бредет к сцене прямо перед нами, но роняет корону и снова возвращается. На мгновение наши глаза встречаются, и мне кажется, что он видит меня, я хочу заговорить с ним, но Джейкоб, зажав мне рот, энергично мотает головой.

Звучит музыка. Мальчик отворачивается, и я смотрю, как он занимает свое место на сцене.

— Нужно уходить, — шепчет Джейкоб, но я не могу уйти. Пока не могу. Я должна узнать, что же произошло.

И тут раздается какое-то шуршание. Я вижу, что один из крепезных канатов — тот самый, в котором запутался мальчик — отвязался и раскачивается. Мешок с песком мотается, скользит, опускаясь все ниже, падает, а по пути задевает распределительный щиток и выбивает предохранитель.

Вспыхивает искра — всего-навсего искра, такая крохотная, — но у меня на глазах она падает на обрывок бумажной декорации, отброшенный в кулису.

— Ох, только не это! — ахаю я, а спектакль продолжается.

Пламени нет. Его пока не видно. Только тепло и дым. Дым, который невозможно заметить в тем-

ном театре. Я поднимаю глаза и смотрю, как тонкая нежная струйка растет, становясь все толще, и собирается под потолком в густое облако. И никто по-прежнему ничего не замечает.

До тех пор, пока, наконец, не вспыхивает огонь.

А на сцене так много горючих материалов: лес, сооруженный из деревянных планок, марли и бумаги. Все это мгновенно воспламеняется и разрушает волшебство спектакля. Ученики-феи разбегаются, зрители в панике. Хотя я и знаю, что это только воспоминания, эхо того, что случилось давным-давно, но все равно *ощущаю*, что становится все жарче.

Схватив за руку, Джейкоб тащит меня подальше от бушующего огня.

Несмотря на ужас, мои пальцы продолжают направлять камеру и щелкать, чтобы поймать в кадр хоть что-то. Мир вокруг заволочло дымом. Огонь, крики, ужас...

У меня начинает кружиться голова, как будто я надолго задержала дыхание. Я понимаю, что нахожусь здесь уже довольно долго, что пора удирать, но ноги меня не слушаются.

И тут я вижу того самого темноволосого мальчика. Он старается держаться ближе к полу, как всех нас учат в школе, но огонь распространяется стремительно, поглощая все на своем пути, взлетает вверх по занавесу. Бежать некуда, вся сцена охвачена языками огня, и мальчик опускается на пол и ползет по-пластунски, пока не добирается до люка.

— Не лезь туда! — кричу я, но он меня, конечно, не слышит. Не оборачивается. Поднимает дверцу и забирается внутрь, за миг до того, как большой кусок горящих декораций рушится сверху прямо на дверцу люка.

— Кэссиди, — зовет Джейкоб, но я не могу оторвать глаз от этого зрелища, хотя уже задыхаюсь от дыма.

Джейкоб трясет меня за плечи.

— Нужно *идти*, — командует он, но я все равно не трогаюсь с места, и тогда он с силой толкает меня вперед. Я чуть не падаю, задев деревянную скамейку. Когда я касаюсь пола, он уже холодный. Пожара нет, погасло и свечение у меня в груди. Рядом со мной на корточках сидит Джейкоб, снова призрачный. Увидев его, я без сил откидываюсь назад.

Иногда, понимаете ли, я *застреваю*.

Это как страна Неитинебудет в «Питере Пэне» — чем дальше потерянные мальчишки в ней находились, тем больше они забывали свою настоящую жизнь. Чем дальше я нахожусь по ту сторону Вуали, тем труднее вернуться.

Джейкоб скрещивает руки на груди.

— Ну, теперь ты довольна?

Довольна — не совсем подходящее слово. Постукивание все равно продолжается — оно никогда не стихает, — но, по крайней мере, теперь я знаю, что там по другую сторону. Так намного легче не обращать на него внимания.

— Прости, — я поднимаюсь на ноги, отряхиваю с джинсов невидимый пепел. Мне все еще мерещится запах гари и дыма.

— Двадцать первое правило дружбы, — наставительно говорит Джейкоб. — Не бросай друга за Вуалью.

Не успевает он договорить, звенит звонок.

Обеденный перерыв закончился.